

Маслов Алексей Николаевич

**Медвежьи углы. Под небом
голубым. Итальянский ветеран.
Венеция. Милан. Повести и
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Николаевич М.**
Медвежьи углы. Под небом голубым. Итальянский ветеран. Венеция. Милан. Повести
и очерки / Маслов Алексей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 407 с.

ISBN 978-5-519-95669-7

Содержание: Цветы; Семейная трагедия; Медвежьи углы; Василиса; Под небом голубым;
Неприятный посетитель; Морозная ночь; Солдат и черти

ISBN 978-5-519-95669-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

иначе говоря, еще мужчина въ соку и недуренъ собой. Съ женой обращался спокойно и ровно и вообще былъ человѣкъ спокойный, ровный и даже нѣсколько холодный, что для супружеской жизни даже рекомендуется. Аксаринъ получилъ отличное образованіе и, кромѣ того, обладалъ природнымъ умомъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ страстно влюбленъ въ Марью Андреевну, когда она была его невѣстой. Нельзя также сказать, что она за него пошла замужъ изъ любви. Они просто понравились другъ другу, а всѣ остальные обстоятельства не только не препятствовали, а скорѣе благопріятствовали ихъ союзу. Въ одномъ изъ своихъ этюдовъ о женщинахъ Прудонъ говоритъ, что «еслибъ даже существовали воздыханія по другомъ, — женщина всегда привязывается къ тому, кто первый просвѣтилъ ее». Это положеніе моднаго въ свое время философа пригодно только съ большими исключеніями. Аксарина ни по комъ не вздыхала; однако, мало была привязана, какъ оказалось, и къ своему просвѣтителю. Отчего это происходило? Я этого объяснить не сумѣю, а если спросить женщину, то онѣ всегда найдутъ себѣ оправданіе. Можетъ быть, оттого, что Аксаринъ былъ недостаточно ревнивъ? Можетъ быть, потому, что они были бездѣтны? Можетъ быть, наконецъ, существуютъ, какъ говорятъ, особенные токи въ мужчинахъ и женщинахъ, которые, въ зависимости отъ неизвѣстныхъ намъ причинъ, возбуждаютъ большее или меньшее влеченіе обѣихъ сторонъ другъ къ другу.

Аксаринъ часто уѣзжалъ по разнымъ дѣламъ

изъ города; она же — только лѣто проводила въ деревнѣ. Въ поклонникахъ и обожателяхъ не было недостатка. Она была со всѣми привѣтлива, немного кокетничала, но никѣмъ особенно не увлекалась, вслѣдствіе чего и считалась въ числѣ, если не неприступныхъ супруговъ, то во всякомъ случаѣ примѣрныхъ. Нѣкоторые отвергнутые обожатели даже поспѣшили объяснить ея неприступность отсутствіемъ темперамента. Изъ всѣхъ поклонниковъ особенно настойчиво ухаживалъ за Марьей Андреевной Хотынцевъ — молодой и красивый человѣкъ, служившій въ судѣ. Она не подавала ему серьезныхъ надеждъ, но была съ нимъ болѣе ласкова и любезна, чѣмъ съ другими. Быть можетъ, онъ, наконецъ, чего нибудь и добился бы, но на его несчастье въ одинъ прекрасный день въ X* пріѣхалъ изъ Петербурга нѣкто Василій Николаевичъ Лоховцовъ. Подъ X* у него было имѣніе и, порядочно поистратившись за границей, онъ явился въ X* заложить или продать свою родовую землю. Лоховцовъ служилъ прежде въ гвардейской кавалеріи, потомъ почему то вышелъ въ отставку и жилъ то здѣсь, то тамъ, и такъ проводилъ время, что сегодня не могъ бы объяснить, что онъ, въ сущности говоря, дѣлалъ вчера. Онъ любилъ легкую жизнь, безъ труда, съ пріятными бурями страстей, терпѣть не могъ заботъ и, доживъ до сорока лѣтъ, сохранилъ свѣжее лицо, отличные, густые волосы и прекрасные бѣлые зубы. У него былъ большой кругъ знакомства, прекрасное платье, отличные экипажи и абонементъ въ первомъ ряду креселъ. Онъ пріятно

и смѣло игралъ въ карты, умѣлъ вести бойкую и остроумную бесѣду съ женщинами. Русскихъ газетъ и книгъ почти не читалъ, чтобы не портить себѣ пищеваренія, хотя былъ знакомъ съ лучшими произведеніями нашихъ авторовъ; зато ему были извѣстны всѣ новости большого свѣта, всѣ бульварные каламбуры изъ «Figaro» и изъ другихъ подобныхъ журналовъ.

Благодаря хорошему здоровью, онъ никогда особенно не скучалъ и на всѣхъ ужинахъ и обѣдахъ былъ неопцѣнимъ, благодаря своимъ остротамъ, а въ особенности веселости, съ которой эти остроты подавались. Лоховцовъ отлично зналъ жизнь и нравы того общества, въ которомъ жилъ, и отлично зналъ женщинъ, или, вѣрнѣе, ихъ слабости; послѣднее — самое важное, когда ухаживаешь за женщинами. Обладая безотчетною самоувѣренностью и смѣлостью, онъ шелъ всегда прямо къ цѣли, если ему нравилась женщина, безъ сомнѣній и колебаній. Прекрасная фигура и особенная, мужественная ласковость много способствовали его побѣдамъ. Вообще же про него можно сказать то, что сказалъ Вольтеръ про Пирона: «il a passé sa vie à boire, à chanter, à dire des bons mots, à faire des priapées et à ne faire rien de bien utile».

Послѣдній годъ передъ приѣздомъ въ Х* былъ для него фатальнымъ. Онъ сталъ замѣчать, что деньги стали появляться въ его карманахъ какъ-то рѣже, что русскій курсъ вообще упалъ да и его собственный — начинаетъ падать, долговъ столько же, сколько стоятъ его имѣнія, а «мерзавцы» перестали

вѣрить въ долгъ. Кромѣ того, онъ сильно простудился по возвращеніи изъ Флоренціи въ Петербургъ и противъ обыкновенія серьезно прохворалъ цѣлый мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого, по пріѣздѣ въ Х*, онъ первый разъ почувствовалъ тяжесть своего тѣла и скуку. Въ это время онъ познакомился на одномъ вечерѣ съ Аксариной, о которой уже слышалъ отъ пріятелей. Она произвела весьма пріятное впечатлѣніе на этого опытнаго волокиту. Ему понравилось изящество ея манеръ, вкусъ и отличный французскій выговоръ; красота же и свѣжесть Марьи Андреевны дѣйствовали на его чувственность. «Эхъ, подумалъ онъ однажды, вглядываясь въ нее, — потрянуть развѣ стариной?.. Но только ужъ въ послѣдній разъ»... Познакомившись съ Лоховцовымъ, Марья Андреевна совершенно перемѣнилась. Она не могла сдерживать легкаго волненія при встрѣчѣ съ нимъ, чувствовала, что у нея что-то кипитъ въ сердцѣ; мысли ея погружались въ какія-то безсвязныя мечты; она часто и невольно думала, что бы было, если бы она была женой Лоховцова, и при мысли о настоящемъ мужѣ, чувствовала, что нить, связывавшая ее съ послѣднимъ, весьма тонка. Она съ ужасомъ сознавала, что паденіе не зависитъ отъ ея воли. Участь мужа была рѣшена. Лоховцова, между тѣмъ, удерживало отъ серьезной интриги желаніе поскорѣе возвратиться въ Петербургъ, а между тѣмъ онъ видѣлъ, что здѣсь безъ серьезной интриги не обойдется. «Придется, пожалуй, влюбиться», думалъ онъ. Кромѣ того, тоже въ первый разъ въ жизни, онъ чувствовалъ

передъ начинавшимся сближеніемъ, если не страхъ, то нѣкоторое безотчетное безпокойство, такъ какъ, несмотря на обливаніе по утрамъ холодной водой и частыя прогулки верхомъ, слѣды недавней болѣзни не изглаживались. То же самое испытываетъ человѣкъ передъ толстымъ и еще не разрѣзаннымъ романомъ: хватитъ ли терпѣнія дочитать до конца?

На рѣшимость Лоховцова, въ которой вообще онъ недостатка не чувствовалъ, однако повліяло письмо одного стараго пріятеля, который, между прочимъ, ему писалъ: «ну, какъ ты забавляешься въ провинціи, старый плутъ? Я убѣжденъ, что ты уже вертишься около какой нибудь наивной провинціалки... Безъ побѣды, не смѣй возвращаться»!

Такъ или иначе, но то, что было суждено — случилось. Аксарина отдалась Лоховцову. Несмотря на бывшія побѣды, онъ былъ увлеченъ страстью своей возлюбленной и понималъ, что изъ всѣхъ побѣдъ, это была одна изъ самыхъ неожиданныхъ и быстрыхъ. Такъ какъ въ провинціальномъ городѣ труднѣе вести незамѣтно интригу, чѣмъ въ столицѣ, то Лоховцовъ и принималъ всевозможныя предосторожности, чтобы не скомпрометировать свою даму.

II.

Послѣднее свиданіе происходило въ одной изъ гостинницъ. Въ настоящее время въ большихъ губернскихъ городахъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, гостинницы уже болѣе не похожи другъ на

друга. Теперь въ каждомъ городѣ, стоящемъ на желѣзной дорогѣ, есть непременно «Grand-Hôtel» и если его содержитъ французъ, то путешественникъ навѣрно получить тамъ недурной и опрятный номеръ безъ клоповъ и сверчковъ и вкусный столъ. У подъѣзда непременно стоитъ швейцаръ и даже комиссіонеръ для посылокъ; въ прихожей, совершенно, какъ за-границей, помѣщается контора, висятъ росписанія желѣзныхъ дорогъ и расклеены объявленія. Лакеи ходятъ въ настоящихъ фракахъ, а не въ сюртукахъ съ подвороченными фалдами, и носятъ манишки и прочее. Такія гостиницы составляютъ первый разрядъ и обыкновенно рекомендуются въ путеводителяхъ Ландцерта, Фрума и другихъ. Старыя гостиницы, то-есть тѣ, въ которыхъ обыкновенно прислуживаютъ мальчишки въ огромныхъ сапогахъ и въ которыхъ потолки низки, коридоры темны, а комнаты перегорожены деревянными перегородками съ непремѣннымъ запахомъ масляной краски, — такія гостиницы отопли на второй планъ. Въ нихъ еще останавливаются иногда бѣдные офицеры, а больше купцы и сельское духовенство, привозящее обыкновенно съ собою въ узлахъ и кулькахъ разную снѣдь, а потому и не требующее въ буфетѣ ничего, кромѣ кипятку и щей. Мнѣ самому приходилось останавливаться въ такихъ гостиницахъ, гдѣ деревянные перегородки грязные полы, непремѣнно залитые какими-то жидкостями, наводили на меня такую тоску, что, укладываясь спать, я долго ворочался въ постели и думалъ: «не дай Богъ умереть скоропостижно въ подобной трущобѣ»...

Одна изъ такихъ гостинницъ, находившихся въ сторонѣ отъ центра города, была выбрана Лоховцовымъ для свиданія. Гостинницу эту содержалъ когда-то купецъ Кушваковъ, а послѣ смерти послѣдняго она попала къ его вдовѣ, которая тщетно старалась поставить ее на надлежащую ногу. Прежде у Кушвакова останавливалось все заѣзжее дворянство; старый поваръ, изъ крѣпостныхъ, приготавливалъ очень вкусныя блюда и на бильярдѣ то и дѣло щелкали шары. Теперь гостинница запустѣла, но тѣмъ не менѣе она отличалась отъ всѣхъ другихъ себѣ подобныхъ чистотой и опрятностью. Кромѣ того, наши любовники рисковали здѣсь менѣе, чѣмъ если бы они вздумали видѣться въ какомъ нибудь перворазрядномъ отелѣ.

Хотя и говорятъ, что люди въ томъ возрастѣ, который называютъ среднимъ, особенно дорожатъ любовью женщины и пользуются каждой минутой свиданія, зная, что имъ уже не долго остается наслаждаться, но Лоховцовъ рассуждалъ иначе, когда, проснувшись утромъ, вспомнилъ, что въ этотъ день онъ долженъ спѣшить на свиданіе.

На дворѣ стояла глубокая осень, почти зима; уже пѣлую недѣлю то лилъ холодный дождь, то налеталъ снѣгъ, и Лоховцова, несмотря на удачу, продолжало преслѣдовать какое то смутное и непріятное чувство скуки, котораго прежде онъ не испытывалъ.

«Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, потягиваясь, во всякомъ случаѣ я никому не сознаюсь, что я скучаю и что у меня ноютъ кости, пока

опять не свалюсь въ постель»... Въ этотъ день онъ съ удовольствіемъ бы остался дома, въ отелѣ, посидѣлъ бы у камина съ новымъ романомъ Адольфа Бэло, попивая кофе съ старымъ коньякомъ, а потомъ, пожалуй, сыгралъ бы партію виста, да и довольно.

Тутъ Лоховцовъ вспомнилъ, что по субботамъ онъ обыкновенно проигрывалъ, слѣдовательно, суббота для него несчастный день. Затѣмъ, желая себя подбодрить, онъ громко засвисталъ какой-то мотивъ изъ моднаго балета, бойко вскочилъ съ постели и, надѣвъ шлафрокъ, позвонилъ лакея.

— Дай мнѣ поскорѣе помыться, сказалъ онъ, разсматривая передъ дорожнымъ зеркаломъ свой языкъ и лицо. -- Какъ ты меня находишь?

— Что-то вы сегодня какъ будто бы желтоваты, ваше сіятельство! Должно быть, спать плохо изволили?...

— Нѣтъ; я изволилъ хорошо спать и видѣлъ во снѣ цвѣты; это что значить?

— Кто его знаетъ, ваше сіятельство! Одни говорятъ, что цвѣты видѣть — не къ добру, а я такъ полагаю, что все это отъ желудка...

— И ты вѣрно полагаешь... А кстати по поводу цвѣтовъ. Посылали отъ меня къ князю Юматову на счетъ букета?

— Такъ точно-съ... Обѣщали, что къ вечеру доставятъ безпремѣнно...

— Ну хорошо... Такъ ты находишь, что у меня желтое лицо? Г-мъ... По утрамъ я дѣйствительно не хорошъ... А у тебя отчего такая свѣжая рожа?..

Ну на что тебѣ такія розовыя щеки?.. Продай мнѣ ихъ за тысячу рублей...

— Возьмите наше сіятельство!

— Возьмите! Дурандасъ ты эдакой! Да если бы можно было взять, то будь увѣренъ, что я взялъ бы безъ всякаго торгу, насильно бы взялъ; убилъ бы тебя, а взялъ бы... Но, къ сожалѣнію, это невозможно, а потому давай мнѣ мыться.

Умывшись и одѣвшись въ просторный и шикарно сшитый въ Парижѣ реденготъ, Василій Николаевичъ прошелъ въ ресторанъ, выпилъ чашку кофе, поболталъ съ хозяиномъ-французомъ и затѣмъ, надѣвъ пальто, пошелъ на ту улицу, гдѣ по условію онъ долженъ былъ встрѣтить Марью Андреевну.

Было холодно, по небу бѣжали тучи и, проходя мимо магазиновъ, Лоховцовъ продолжалъ думать, что не только по утрамъ, но и днемъ въ такую погоду, онъ уже не хорошъ; чтобы перебить скучныя мысли, онъ время отъ времени начиналъ напѣвать мотивы изъ того же моднаго балета. Между тѣмъ проѣхало и прошло нѣсколько знакомыхъ. Одинъ изъ нихъ прошелся съ нимъ и поболталъ.

Наконецъ, къ одному изъ магазиновъ подѣхала знакомая карета. Лоховцовъ изобразилъ на своемъ лицѣ радость и, приподнявъ шляпу, подошелъ къ каретѣ и высадилъ Аксарину. Аксарина, по обыкновенію, вспыхнула и дрожащей рукой пожала его руку.

— Сегодня вечеромъ балъ, говорилъ онъ ей въ полголоса, провожая ее въ магазинъ:—вы будете?

— Конечно... А ты?

— Я—непремѣнно... Интересно взглянуть, какъ здѣсь пляшутъ... Я даже заказалъ тебѣ маленькій букетъ цвѣтовъ.

— Merci... Ахъ! Вонъ ѣдетъ m-me Шепетовская! Я ее терпѣть не могу... Будь остороженъ...

Затѣмъ онъ спросилъ ее, не откладывается ли свиданіе по случаю бала, но она отвѣтила—«нѣтъ, ни за что», и прибавила что будетъ непремѣнно передъ баломъ въ условномъ мѣстѣ, хотя вечеромъ долженъ пріѣхать мужъ; затѣмъ они разстались и на прощаніе она подарила его такимъ взглядомъ, въ которомъ поэты усматриваютъ цѣлую поэму. Для Лоховцова же въ этомъ взглядѣ было ясно, что страсть Маріи Андреевны растетъ и увеличивается, и сообразно съ этимъ онъ долженъ увеличить свою нѣжность и пламенность. Любовь ихъ началась такъ еще недавно, что объ охлажденіи нельзя было и думать. Въ этихъ отношеніяхъ существуетъ особенная деликатность и особая политика.

III.

«Чортъ возьми! разсуждалъ самъ съ собою Лоховцовъ, сидя у окна въ занятой имъ комнатѣ въ Купваковской гостинницѣ, положительно ко мнѣ подбирается старость... Тутъ бы, по настоящему, надо было радоваться... Красавица-женщина вѣшается мнѣ на шею, ѣздитъ ради меня въ эту трущобу... И не какая нибудь дура! Elle me plaît beau-